

— Кто идёт?!

— Сыту Ван из Обители Сидячего Забытья.

Один действительно посмел спросить, а второй — ответить.

За всю свою жизнь Чи Нин впервые вживую столкнулся с тем, что кто-то устраивает подобную «переключку перед боем». По правде говоря, такой пафосный обмен репликами смотрелся бы уместно разве что в театральной пьесе. В реальности же всё это выглядело до нелепости неловко. Но надо отдать им должное — оба крикуна обладали поистине непрошибаемой уверенностью в себе.

Однако стоило прозвучать названиям «Обитель Сидячего Забытья» и фамилии «Сыту», как толпа мигом притихла. Влияние этих слов было колоссальным, ведь в Великой Ци не нашлось бы человека, который не слышал бы о государственной религии и её оплоте.

Из-за заветов основателя династии Великая Ци не превозносила буддизм и не поклонялась даосизму. Вместо этого в государстве учредили собственную, уникальную веру.

Этим оплотом веры и стала Обитель Сидячего Забытья. Она заметно отличалась от государственных учений прошлых эпох. К примеру, её главный храм находился далеко от столицы, а связи с императорским домом на первый взгляд казались весьма прохладными. Обитель жила своей уединённой жизнью, играя для двора роль удобного щита против засилья иных сект. Она безупречно справлялась с этой задачей — и только.

Мало кто доподлинно знал, во что именно веруют монахи Обители, какова их иерархия и какими тайными силами они обладают. Для всех прочих Обитель Сидячего Забытья оставалась лишь туманным символом.

Чи Нин, благодаря беседам с главой Дирекции императорских храмов, знал чуточку больше обывателей. Обитель располагалась далеко на севере, за рекой Ло, в горах Ман. Согласно священным заветам её основателей, ученикам строжайше запрещалось покидать благословенные земли и без веской причины вступать в пределы столицы, дабы не потревожить покой императорских драконьих жил. Впрочем, бывали и исключения. О них-то как раз знали все: если посланники Обители Сидячего Забытья являлись в мир, это означало либо великую государственную смуту, либо нашествие нечисти.

Зеваки в толпе принялись испуганно переглядываться, и их взгляды, обращённые на Храм Бога Бракосочетания, сделались тревожными.

Чи Нин сразу сообразил: Обитель Сидячего Забытья прервала затворничество ради Секты Небесного Писания, а вовсе не из-за этого скромного храма на востоке столицы. Однако само имя секты в народе до сих пор оставалось под строжайшим запретом. Простые люди, отрезанные от дворцовых тайн, ничего не подозревали, так что неудивительно, что они не

уловили связи.

Однако куда больше Чи Нина заинтриговало имя пришельца.

Сыту Ван. Носить ту же фамилию, что и прославленный генерал Сыту, чей род из поколения в поколение защищал северные рубежи империи, не могло быть простым совпадением.

В Великой Ци военачальники из клана Сыту по праву считались непобедимыми богами войны, внушая правителям одновременно и восхищение, и ужас. Императоры ценили их за преданность и ратные подвиги, но до дрожи боялись, что однажды великие воины, чья слава затмевает престол, повернут свои легионы на юг.

Не останься после покойного императора Тяньхэ его старший сын, принц Вэнь Чэнь, Чи Нин, верный своим мрачным юношеским амбициям, вполне мог бы сбежать на северную границу. Он попытался бы склонить генерала Сыту свергнуть династию Вэнь и занять трон. Разве власть даруется лишь по праву рождения? Род Вэнь правил поднебесной слишком долго! Но пока был жив его маленький принц, Чи Нин даже не смотрел в сторону иных путей. Более того, он собирался заранее обезопасить юношу от любых скрытых угроз.

И семья Сыту занимала первое место в списке тех, чьей поддержкой Чи Нин обязан был заручиться для Его Высочества Вэнь Чэня.

Лишь тот, за чьей спиной стоят верные клинки и многотысячное войско, может диктовать свою волю будущему.

Эту простую истину понимали все.

Естественно, подобраться к столь влиятельному клану было невероятно трудно — ежедневно им приходилось отбиваться от сотен корыстных просителей. Чи Нину удалось наладить контакт лишь со второстепенными слугами на окраинах их владений, а вот подступиться к прямой ветви наследников пока не получалось. Отчасти мешала и осторожность: Чи Нин действовал скрытно, боясь привлечь внимание нового императора.

Пока толпа шушукалась, принимая юношу за обычного послушника Обители, взгляд Чи Нина разгорался всё ярче.

Сыту Ван с огромной вероятностью являлся единственным уцелевшим законным сыном старого генерала Сыту.

Остальные сыновья старого воина погибли на полях сражений или пали жертвами интриг. Чтобы сберечь последнюю веточку семейного древа, клан тщательно скрывал любое упоминание о Сыту Ване. До сих пор это оставалось неразрешимой загадкой для столичных шпионов, тщетно пытавшихся разузнать хоть что-то о юноше. Теперь же всё встало на свои

места: укрытый за стенами Обители Сидячего Забытья, наследник генерала был в абсолютной безопасности от мирских бурь.

Те, кто ведал божественными тайнами, всегда умели хранить секреты.

Чи Нину надоело гадать, и он мысленно обратился к Злому богу Юаньцзюню:

«Так это действительно он?»

Тот отозвался без лишних уговоров:

«Он».

Одно лишь это подтверждение стоило всех потраченных за день усилий. Сегодня Чи Нин пришёл сюда не напрасно.

Тем временем из глубин Храма Бога Бракосочетания наконец величаво выплыл настоятель — благообразный старец с серебряными волосами и на удивление моложавым лицом. Совершенно заурядный образ мудреца, лишённый хоть какой-то изюминки. Говорил он размеренно и чинно, ничуть не выказывая волнения. Похоже, старик либо твёрдо верил в собственные силы, либо опирался на весьма могущественного покровителя. А может, и то, и другое сразу.

Сыту Ван, впрочем, явился сюда не с пустыми руками. Он резко свистнул, и этот сигнал мгновенно отозвался шумом у ворот — его товарищи, поджидавшие снаружи, слаженной лавиной ворвались во двор. Один из них на лету бросил Сыту Ваню длинное серебряное копье, пока остальные брали храм в плотное кольцо, отрезая все пути к отступлению.

Сыту Ван выказал благородство. Перед тем как начать схватку, он счёл долгом предупредить собравшихся ротозеев:

— Клинки не знают жалости, уходите...

Договорить он не успел. Толпа с визгом брызнула в рассыпную, мгновенно освободив храмовый двор и предоставив мастерам полную свободу действий.

Всего мгновение — и под сенью священного древа, увешанного алыми нитями, остались лишь послушники Обители Сидячего Забытья в одинаковых облачениях да горстка храмовых служителей. По одному только грозному виду государственные посланники уже одержали сокрушительную победу над жалкими сектантами.

Чи Нин мысленно потёр ладони от восторга. Шоу обещало быть грандиозным!

Сыту Ван эффектным круговым движением расправил копье. Оружие в его руках ничуть не напоминало ритуальный даосский жезл — это было тяжёлое боевое копье, созданное для того, чтобы разить врагов в конной сече. Лишь сейчас он заметил, что хрупкий юноша рядом даже не тронулся с места. Нахмурившись, воин бросил:

— Почему ты ещё здесь? Живо уходи!

Чи Нину страстно хотелось досмотреть представление из первого ряда, а заодно найти лазейку к сердцу наследника генерала Сыту. Естественно, уходить он не собирался. Понимая, что упрямство разозлит воина, он лихорадочно соображал, что соврать, как вдруг заметил в опустевшем дворе своего недотёпу-соученика и приёмного сына. Обнаружить их без толпы оказалось проще простого. Заметив взгляд Чи Нина, те весело замахали руками.

Чи Нин с облегчением указал на них пальцем:

— Я потерял своих близких в суматохе, а теперь наконец отыскал.

«...»

Сыту Ван онемел от подобной невозмутимости. Впрочем, чего ещё ждать от чудака, который под градом проклятий преспокойно пожертвовал храму всего две медные монетки? Посмотрев на изнеженного, явно знатного барчука, воин всё же проявил сострадание:

— Раз нашёл, забирай своих и бегите отсюда. Сейчас здесь прольётся кровь.

Договорить им не дали — служители храма буквально вскипели от ярости. Это переходило все границы! Незваные гости вломились в их обитель, принялись хозяйничать, да ещё и ведут праздные беседы прямо перед их носом, заранее празднуя победу!

Пусть они из Обители Сидячего Забытья, но столь наглое высокомерие терпеть невозможно!

Неужели они думают, что у храма нет заступников?

Скривившись от злости, настоятель велел слугам немедленно позвать тех, на кого уповал больше всего — У Шэна и Цзи Цзань. Старик чувствовал исходящую от этой парочки невиданную, пугающую мощь. К тому же во время недавней беседы ему показалось, что эти чужеземные мастера на редкость наивны и доверчивы.

— Уважаемые мастера, наконец-то вы здесь! — запричитал он, стоило гостям показаться на пороге. — Видит небо, мы ни в чём не виноваты перед этими безумцами, а они ворвались к нам и грозят расправой!

Едва У Шэн ступил во двор, храмовые прислужники в панике шарахнулись в стороны, освобождая ему дорогу. Причина была проста: вместе с юношей из южных земель двигалось шевелящееся облако его ядовитых питомцев.

Чи Нин сразу узнал новоприбывших. Всё сошлось: Злой бог Юаньцзюнь уловил в стоявшей рядом девушке, Цзи Цзань, ту же потустороннюю силу, что когда-то таилась в каменной шпильке, а лицо У Шэна Чи Нин отлично помнил по портретам.

До сей поры противостояние не выходило за рамки споров духовных орденов. Силы сторон казались равными, и никто не спешил наносить первый удар, рискуя умыться кровью.

Однако хитрый настоятель припас ещё один козырь. Заметив, что соперники колеблются, он ехидно прищурился:

— Господа, к чему спешить с мечами? Возможно, это лишь досадное недоразумение? Почему бы нам не пригласить уважаемых господ из Восточного притвора, дабы они рассудили нас по закону?

Духовные распри обычно оставались внутренним делом монастырей.

Но вмешательство императорской службы безопасности меняло правила игры — против такой силы у обычных монахов не было шансов.

Вот только стоило настоятелю упомянуть Восточный притвор, как на лице стоявшего поодаль Цзян Чжиуэя проступила глумливая усмешка. Он изо всех сил старался сохранить серьёзный вид, но плечи его мелко подрагивали от сдерживаемого хохота. Шагнув вперёд, он лениво бросил:

— О, неужели у вас есть связи в Восточном притворе? Какое совпадение! У меня, ничтожного, там тоже заваялось несколько старых приятелей.

В Юнцзи, где на каждом шагу можно было наткнуться на важного чиновника, подобные хвастливые речи никого не удивляли. Стоило вывеске упасть с крыши, и она непременно зашибла бы парочку родственников какого-нибудь министра.

Старый настоятель, однако, задрал подбородок и с глубоким почтением поклонился в сторону дворца:

— Слыхали ли вы об авторитете великого Господина Линя из Восточного притвора?

Чи Нин, Цзян Чжиуэй и Су Лу одновременно лишили богов дара речи.

— Что, этот кастрат — ваш покровитель? — лицо Сыту Ваня исказилось от ярости. Он ничуть не испугался, напротив, в его глазах вспыхнул опасный огонёк.

В его мыслях мгновенно сложилась мозаика. Друг его детства, Вэнь Хуайгу, клялся, что никогда не свяжет себя узами брака, если только его не принудят силой. И вдруг внезапно изменил решение! Сыту Ван и раньше подозревал неладное, а теперь, услышав, что за храмом стоит сам Чи Нин — тот самый евнух, которому поручили устроить свадьбу наследника князя Цзина... Всё стало предельно ясно!

На Чи Нина среди бела дня обрушилось чужое обвинение.

— В каком-то смысле, — уклончиво протянул настоятель. Он старался выбирать выражения, зная, насколько злопамятен господин Чи. Смерти под пытками старику не хотелось, поэтому он решил слегка приукрасить истину: — Среди наших верных прихожан числятся невеста приёмного сына господина Линя, престарелая матушка его старшего соученика...

«Ну ты и наглец, дедуля», — мысленно хмыкнул Чи Нин.

Цзян Чжиуэй и Су Лу больше не могли сдерживаться. О ком говорил этот старый мошенник? Какое поразительно точное попадание пальцем в небо!

— Что за чушь ты несёшь, старый хрыч! — взвился Цзян Чжиуэй. Лишь присутствие младшего соученика удержало его от отборного матерного лая. — С какой стати моей матушке верить твоим бредням? Уж она-то получше твоего знает, способен ли её сын завести семью!

Их наставник, евнух Чжан Цзинчжун, сделал для своих воспитанников великое благо: он воспитал их так, чтобы телесный недуг никогда не лишал их гордости.

Цзян Чжиуэй не ведал стыда за своё евнушество. Он без смущения отпускал двусмысленные шуточки на эту тему и спокойно признавал перед кем угодно, что лишён плотских радостей и не планирует связывать себя узами брака просто потому, что это его нисколько не привлекает.

Даже обделённый умом настоятель смекнул, к чему клонит незнакомец. Старик умудрился наступить на хвост тигру в полной темноте: попытался прикрыться именем чужой матери, а наткнулся на её собственного сына!

Отпираться не имело смысла, ведь взгляд старика переместился на юношу, стоявшего плечом к плечу с Цзян Чжиуэем. Это был Су Лу.

Тот самый завидный жених, о котором грезил племянник правого помощника министра чинов, пожертвовавшая храму целое состояние. Тот, на кого претендовали ещё несколько богатых невест столицы. Именно поэтому любовная одержимость, соткавшаяся вокруг Су Лу, была такой плотной. Впрочем, парень отделался лишь лёгкой утомляемостью: желающих

привязать его к себе оказалось слишком много, и наложенные чары попросту мешали друг другу работать.

Старый делец как раз планировал устроиться поудобнее и выжать из богатых дурочек побольше золота, устроив своеобразный аукцион.

Он привёл всего два примера для острастки — и оба раза угодил прямоком в живых участников своей аферы. Оправдываться теперь было бесполезно.

Пока старик лихорадочно соображал, стоит ли ему стоять на своём или покаяться в грехах и вымолить пощаду, У Шэн внезапно шагнул вперёд и холодно процедил:

— Ты посмел оклеветать господина Чи. Смерти захотел?

Южанин плохо владел столичным наречием, однако соображал быстро и слышал отлично. Не умея плести словесные кружева, он предпочитал решать вопросы силой.

Цзи Цзань, привыкшая во всём наставлять свою подопечную Цзи Сысюэ, поспешила поддакнуть юноше:

— Вот видишь, я же говорила, что этот старик — лжец! Откуда ему знать господина Чи? Тот с утра до ночи занят дворцовыми делами и подготовкой к свадьбе наследника. У него полно забот, станет он тратить время на прогулки по захолустным улочкам!

Чи Нин мысленно развёл руками:

«Ну извините, мои дорогие. Как видите, свободного времени у меня предостаточно».

Прежде чем кто-то успел сделать хотя бы вдох, из широких рукавов У Шэна хлынула волна крошечных насекомых. Гудящий рой мгновенно заполнил двор, парализовав волю служителей культа. Ни Сыту Ваню с его грозным копьём, ни Чи Нину со Злым богом даже не пришлось вмешиваться — всё завершилось в одно мгновение.

Чи Нин задумчиво разглядывал южанина. Всё-таки этот воинственный юноша из племён Чу вряд ли подходил на роль кроткой супруги для наследника князя Цзина.

Обещание предоставить право выбора самому Вэнь Хуайгу Чи Нин, конечно, сдержит, но в глубине души у него давно сформировались собственные предпочтения. К примеру, Глава культа Чжу — этот деспот наверняка останется ведущим в постели, даже если нацепит женскую юбку. Чи Нину совсем не хотелось толкать своего приёмного сына в лапы подобного хищника.

Хотя, судя по всему, почти все кандидаты из его тайного списка превосходили мягкого наследника силой духа.

Господин Юань не выдержал и подал голос:

«Тебе не приходило в голову, что твой ненаглядный сынок просто по природе своей рождён быть ведомым?»

«Он ещё повзрослеет и покажет себя!» — упрямо мысленно огрызнулся Чи Нин. Никому не позволялось сомневаться в достоинствах его воспитанника! Пусть их родство оставалось чистой условностью, Чи Нин пёкся о юноше с поистине слепым родительским рвением. Наверное, этот морок рассеется лишь тогда, когда свадебные торжества завершатся и их пути разойдутся.

Громкое и пафосное противостояние завершилось на редкость нелепо. Никто из собравшихся не ожидал столь внезапной развязки.

Сыту Ван приказал схватить всех храмовых пособников, наживавшихся на фальшивых приворотах, а проклятое раскидистое дерево велел выкорчевать и предать огню. С этим злом следовало покончить раз и навсегда. Как оказалось, юноша действительно прибыл в столицу с тайным поручением от старейшин Обители, и этот лжехрам значился в его списке целей с самого начала.

И пусть ритуалы послушников Обители с разведением священного пламени и окроплением клинков заняли кучу времени, дело было сделано на совесть. Теперь можно было не опасаться, что уцелевшие крупницы проклятия вновь разрастутся ядовитыми всходами.

Цзи Цзань старалась не высовываться из-за широкой спины У Шэна, опасаясь, что зоркие монахи Обители почуют её потустороннюю природу. Однако уходить она не спешила, ведь её взгляд уже давно приковал к себе Чи Нин. Девушка не догадывалась, что её тайна раскрыта, и изо всех сил пыталась сообразить, как половчее представить У Шэна великому евнуху, чтобы заодно обеспечить и себе тёплое местечко подле властителя судеб.

Чи Нин, всегда отличавшийся поразительной «чуткостью», решил избавить гостей от мучительных раздумий. Шагнув вперёд, он мягко улыбнулся:

— Моё имя Чи Нин. Да-да, тот самый евнух из Восточного притвора.

Сыту Ван замер, уставившись на него округлившимися глазами.

— Полагаю, как только вы закончите с делами, у вас найдётся ко мне немало вопросов? — вкрадчиво поинтересовался Чи Нин.

Сыту Ван смущённо кашлянул. Одно лишь открытое поведение евнуха доказывало, насколько глупыми были его недавние подозрения. К счастью, им удалось объясниться прежде, чем пролилась кровь. Ему не терпелось расспросить Чи Нина обо всём прямо сейчас, но долг перед Обителем не позволял бросить недоделанную работу. Обменявшись обещаниями встретиться в ближайшие дни, Чи Нин попрощался и увёл своих спутников.

По-хорошему, У Шэна и Цзи Цзань следовало задержать для допроса — их внезапное появление и сомнительное поведение вызвали кучу вопросов у стражей Обители. Однако вовремя подоспевшие ищейки Восточного притвора быстро уладили недоразумение. С лёгкой руки Чи Нина парочку отпустили без лишней волокиты.

Оказавшись на свободе, они всей гурьбой направились напрямик в трактир «Юньлай», расположенный прямо напротив злополучного храма. Там их уже поджидал изнывавший от скуки Чжу Лян, а также приёмный сын Чи Нина, увлечённо водивший кистью по бумаге.

Сегодняшний день выдался на редкость щедрым на неожиданные встречи.

— Хэлан? — удивлённо приподнял брови Чи Нин, глядя на юношу в простом бирюзовом халате, чья рука порхала над свитком с невероятной лёгкостью. — Что ты здесь делаешь?

Хэлан был неразговорчив. Порой его медлительность наводила окружающих на мысль, будто парень обделён умом, однако он лишь думал и двигался в собственном, неспешном ритме. Аккуратно положив кисть на подставку, он тихо произнёс:

— Отец.

— Ну надо же, — улыбнулся Чи Нин, давно привыкший к своеобразной задержке в общении с приёмным сыном. — Академия живописи устроила выезд на зарисовки? И ты снова засиделся допоздна и остался один?

— Пришёл порисовать, — наконец ответил Хэлан на самый первый вопрос.

Чи Нин рассмеялся и тут же засыпал его новыми расспросами:

— И что же ты изобразил? Сам-то доволен работой? Покажешь отцу?

— Да, мы приехали на зарисовки, — невозмутимо продолжил Хэлан, отвечая на предыдущие реплики. — И все разошлись, а я остался.

Задав все интересующие его вопросы, Чи Нин замолчал. У его названного сына была забавная привычка: даже зная, что собеседник уже давно обо всём догадался, он считал своим долгом подробно ответить на каждое услышанное слово по порядку. Чи Нину оставалось лишь терпеливо ждать, пока юноша закончит свой неторопливый отчёт.

— Я нарисовал целую серию портретов. Очень доволен, это моя лучшая работа за весь год, — медленно, нараспев проговорил Хэлан. Он всегда растягивал гласные, чтобы избежать заикания. — Я с самого начала хотел преподнести её тебе в дар, отец. Конечно, ты можешь взглянуть. Возьми.

Чи Нин мысленно прикинул даты: приближался очередной праздник, а Хэлан всегда отдавал свои лучшие творения названному отцу. Сам Чи Нин мало смыслил в изящных искусствах, оценивая картины исключительно по их рыночной стоимости, однако искренне наслаждался заботой о сыне. Каждый подаренный свиток он бережно складывал в личную сокровищницу и хранил как величайшую драгоценность.

— Какая красота, — искренне восхитился Чи Нин, принимая аккуратно свёрнутые свитки. Он не стал разворачивать их прямо в трактире, решив рассмотреть всё дома в спокойной обстановке. — А как же задание Академии? Ты успел закончить его? Смотри, не забудь доделать, а то наживёшь неприятностей с наставниками.

У Хэлана была одна слабость: увлёкшись интересным сюжетом, он напрочь забывал обо всём остальном мире.

Услышав напоминание, юноша растерянно моргнул и перевёл взгляд на окно. На площади перед храмом уже не осталось ни души, а праздничная толпа давно рассеялась. Его учебное задание...

По одному его растерянному виду Чи Нин всё понял:

— Ладно тебе, не переживай. Раз натура разбежалась, рисовать уже некого. Я отправлю слугу в Академию, пускай уладят этот вопрос.

Хэлан заговорил с привычным опозданием:

— Задание не завершено. Я закончу его по памяти.

Спорить с упрямым художником было бесполезно. Чи Нин лишь покачал головой, позволяя сыну предаться творчеству, а сам повернулся к Чжу Ляну:

— Ступайте пока в мою личную городскую усадьбу. Там вас никто не потревожит, а все важные дела мы обсудим позже.

Он украдкой бросил взгляд на Цзи Цзань. С ней следовало быть начеку. Пристроить её в число претенденток на свадьбу теперь, когда списки были почти утверждены, окажется непростой задачей.

Так суматошно и пролетел долгожданный день отдыха.

Вечером, блаженно погрузившись в горячую ванну, щедро усыпанную сухими лепестками — подарком от второго соученика Юй Синчуя, — Чи Нин наконец позволил телу расслабиться. Однако его разум продолжал лихорадочно работать, прокручивая в голове события минувшего дня.

Оставалось слишком много белых пятен. Он мысленно позвал Злого бога:

«Ты ведь знаешь, что связывает Сыту Ваня и наследника князя Цзина?»

«Знаю», — отозвался ленивый голос Господина Юаня.

Чи Нин проявил должную почтительность и, повернувшись к лежавшей на краю ванны деревянной фигурке божества, ласково попросил:

«О, великий господин, проявите милость, поведайте своему верному слуге!»

История Сыту Ваня и Вэнь Хуайгу оказалась на удивление бесхитростной. Семья матери Сыту Ваня происходила из земель Шу, и в детстве мальчик часто гостил у родственников. Будучи самыми знатными детьми в округе и сверстниками, они быстро нашли общий язык под присмотром заботливых родителей. Детская дружба крепка и бескорытна: пускай они провели вместе всего одно лето, эта привязанность связала их на долгие годы. Они продолжали обмениваться письмами даже после того, как Сыту Ван ушёл в Обитель Сидячего Забытья.

Повзрослев, Сыту Ван решился на странный шаг. В одном из писем он как бы невзначай упомянул, что у него есть кузина — его ровесница, такого же роста и лицом точь-в-точь похожая на него самого...

«Погоди-ка... Эта загадочная кузина — он сам, верно?» — догадался Чи Нин. Знаменитый приём «у меня есть один друг».

«Весьма вероятно», — усмехнулся Господин Юань. Пускай он не видел всей картины целиком, но его божественное чутьё редко ошибалось.

В общем, Сыту Ван выдумал собственную женскую ипостась и напрямик спросил близкого друга, не желает ли тот взять её в жёны.

Получив это послание, Вэнь Хуайгу лишился сна. Он всю ночь ворочался с боку на бок, пока наконец с ужасом и облегчением не осознал горькую истину: женщины его не привлекали, и он питал нежные чувства к собственному другу. На следующий же день он отправил вежливый, но твёрдый отказ, мотивируя это тем, что не смеет губить жизнь благородной девицы из клана Сыту.

Что происходило между ними дальше, Злой бог не знал, однако итог лежал на поверхности.

Когда Вэнь Хуайгу под давлением отца всё же согласился на брак, Сыту Ван сорвался с насиженного места в горах Ман и помчался в столицу, уверенный, что его дорогого друга околдовали коварные враги.

«Эх, сколько ни толкуй о соперничестве давней привязанности и внезапной страсти, а Сыту Ван умудрился объединить в себе и то, и другое...» — весело хмыкнул Чи Нин. Похоже, все его старания по устройству свадьбы полетят псу под хвост.

Однако вопреки здравому смыслу, губы Чи Нина расплылись в довольной улыбке. Ему было чертовски приятно это сознавать.

Сам он давно не верил в сказки о вечной любви, но если славный наследник князя действительно обретёт счастье с дорогим сердцу человеком, а не свяжет себя узами унылого долга, это будет просто замечательно.

Уже лёжа в постели, Чи Нин наконец развернул подаренные Хэланом свитки. И пускай он не считал себя знатоком изящных искусств, от увиденного у него перехватило дыхание. Рисунки были невероятно, божественно красивы.

И в этот миг в голове Чи Нина созрел дерзкий, безумный замысел. Пример Сыту Ваня натолкнул его на простую мысль: внезапное появление неопишуемой красавицы способно вскружить голову любому мужчине.

Новому императору Вэнь Кэ как раз не хватало подобной встряски.

Конечно, подсылать к монарху вспыльчивого Чжу Ляна было чистой воды самоубийством, но вот...

Чи Нин заворожённо уставился на один из набросков, где была запечатлена лишь изящная спина таинственной незнакомки. Прикусив губу, он мысленно спросил Злого бога:

«О великий Господин Юань, не могли бы вы наслать на нашего императора один очень... интригующий сон?»

Скромные бесприданницы, утончённые барышни из знатных родов, роковые искустельницы...

Милые, нежные, страстные.

У Чи Нина найдутся красавицы на любой, самый взыскательный вкус императора!

<http://bllate.org/book/20385/2172401>